Гилберт Честертон

Грехи князя Сарадина

Часть сборника
Настоящий английский детектив: собрание лучших рассказов

Грехи князя Сарадина
Гилберт Кит Честертон

Аннотация
Гилберт Кит Честертон. Грехи князя Сарадина

Аннотация

«Когда Фламбо брал отпуск в своей конторе в Вестминстере, он проводил этот месяц на парусной шлюпке, такой маленькой, что чаще всего ею пользовались как весельной лодкой. К тому же он предпочитал отдыхать в графствах восточной Англии, где среди крошечных речек шлюпка казалась волшебным корабликом, скользившим по суше через луга и поля. В суденышке могли с удобством расположиться два человека; оставалось место лишь для самых необходимых вещей, и Фламбо брал то, что считал необходимым по своему разумению…»

Гилберт Кит Честертон
Грехи князя Сарадина

Когда Фламбо брал отпуск в своей конторе в Вестминстере, он проводил этот месяц на парусной шлюпке, такой маленькой, что чаще всего ею пользовались как весельной лодкой. К тому же он предпочитал отдыхать в графствах восточной Англии, где среди крошечных речек шлюпка казалась волшебным корабликом, скользившим по суше через луга и поля. В суденышке могли с удобством расположиться два человека; оставалось место лишь для самых необходимых вещей, и Фламбо брал то, что считал необходимым по своему разумению. Обычно это сводилось к четырем вещам: консервам из лосося, если захочется есть, заряженным револьверам, если захочется пострелять, бутылке бренди на случай обморока и священнику на случай скоропостижной кончины. С этим легким багажом он неторопливо плыл по узким речкам, собираясь со временем достигнуть Норфолкских озер, а пока что наслаждаясь видами лугов, склонившихся над рекой садовых деревьев и отраженных в воде поселков и особняков, останавливаясь порыбачить в тихих заводях и в некотором смысле прижимаясь к берегу.

Как истинный философ, Фламбо проводил свой отдых бесцельно, но, как у всякого истинного философа, у него имелось свое оправдание. Он

держал в уме некое намерение, к которому относился достаточно серьезно, чтобы успех стал венцом отпуска, но и достаточно легко, чтобы не расстраиваться в случае неудачи. Много лет назад, когда он был некоронованным королем воров и самой знаменитой персоной в Париже, ему часто доводилось получать сбивчивые послания одобрительного, обвинительного и даже любовного свойства. Одно из них запечатлелось в его памяти — обычная визитная карточка в конверте с английским штемпелем. На обратной стороне карточки было написано зелеными чернилами по-французски: «Если вы когда-нибудь отойдете от дел и станете респектабельным человеком, навестите меня. Мне хотелось бы познакомиться с вами, так как я встречался со всеми другими великими людьми своего времени. Ваша проделка, когда вы заставили одного сыщика арестовать другого, была одной из самых блестящих сцен во французской истории». На лицевой стороне карточки стояла официальная надпись: «Князь Сарадин, Рид-Хаус, Рид-Айленд, Норфолк»[1].

Тогда Фламбо не уделил внимания этому приглашению, но удостоверился, что князь был

---

[1] Сноски: 1

Букв. «Камышовый дом» и «Камышовый остров». — (*Прим. пер.*)

блестящей и популярной фигурой в светских кругах южной Италии. Говорили, что в юности он совратил замужнюю женщину из знатной семьи и бежал вместе с нею — довольно обычная эскапада для людей его положения, но памятная своим трагическим продолжением: предполагаемым самоубийством оскорбленного супруга, который якобы бросился в пропасть на Сицилии. Потом князь некоторое время жил в Вене, но последние годы провел в неустанных странствиях. Когда Фламбо, подобно самому князю, удалился с бурной европейской сцены и стал жить в Англии, его посетила мысль о неожиданном визите к знатному изгнаннику, поселившемуся среди Норфолкских озер. Он не имел представления, сможет ли найти нынешнее обиталище князя, достаточно скромное и неприметное. Но случилось так, что он нашел это место гораздо раньше, чем ожидал.

Однажды вечером путешественники причалили к берегу, поросшему высокой травой и короткими деревьями с подрезанными кронами. После целого дня работы на веслах сон рано одолел их, зато оба проснулись еще до рассвета. Большая лимонная луна только заходила в зарослях высокой травы у них над головами, а

небо было глубокого бирюзового оттенка — еще ночное, но яркое. Обоим сразу же вспомнилось детство, волшебная и удивительная пора, когда заросли трав смыкаются над нами, словно лесная чаща. На фоне огромной заходящей луны маргаритки и одуванчики казались сказочными цветами, напоминающими узоры на обоях в детской комнате. Лежа в шлюпке под высоким берегом, они в радостном изумлении разглядывали цветы, травы и корни кустарников.

— Клянусь Юпитером! — произнес Фламбо. — Похоже на заколдованное царство!

Отец Браун резко выпрямился и перекрестился. Его движение было таким стремительным, что Фламбо посмотрел на него с легким удивлением и спросил, в чем дело.

— Авторы средневековых баллад знали о колдовстве гораздо больше, чем вы, — ответил священник. — В зачарованной стране происходят не только приятные вещи.

— Вздор! — фыркнул Фламбо. — Под такой невинной луной могут случаться только приятные неожиданности. Я предлагаю сразу же плыть дальше, а там посмотрим, что будет. Мы можем умереть и сгнить в могиле, прежде чем снова увидим такую луну и в таком месте.

— Ладно, — сказал отец Браун. — Я и не говорил, что плохо входить в заколдованное царство. Я только говорил, что это всегда бывает опасно.

Они медленно плыли по светлеющей реке; глубокая синева небосвода и тусклое золото луны постепенно выцветали, пока наконец не растаяли в громадном бесцветном космосе, предшествующем буйству рассвета. Когда первые проблески алого, серого и золотого пересекли горизонт от края до края, их вдруг поглотила темная масса какого-то городка или деревни, возникшая впереди на берегу. В утреннем полусвете уже можно было разглядеть нависающие над водой деревенские крыши и мостики. Казалось, что дома с длинными и низкими крышами сошлись к реке на водопой, словно стадо больших серых и бурых коров. Между тем рассвет продолжал разгораться и перешел в обычное утро, прежде чем они увидели хотя бы одно живое существо на пристанях и мостах этого тихого городка. Наконец они увидели добродушного и зажиточного на вид мужчину в штанах и рубашке, с лицом таким же круглым, как недавно зашедшая луна, и кустиками рыжих бакенбард вокруг его нижнего полукружия; прислонившись к столбу, он смотрел на плавное течение реки. Поддавшись безотчетному порыву,

Фламбо поднялся во весь рост в качающейся шлюпке и зычным голосом спросил у незнакомца, не знает ли он, где находится Рид-Айленд или Рид-Хаус. Тот лишь улыбнулся и молча указал вверх по реке, за следующую излучину. Фламбо поплыл туда без дальнейших расспросов.

Шлюпка обогнула несколько травянистых выступов и заплутала среди почти неподвижных и заросших камышом отрезков реки, но, прежде чем поиски успели наскучить, они миновали особенно резкий поворот и оказались в тихой заводи или озере, вид которого инстинктивно заставил их остановиться. В центре этой водной глади, со всех сторон окаймленной камышом, находился низменный и длинный островок, на котором стоял низкий и длинный дом наподобие бунгало, построенный из бамбука или какого-то прочного тропического тростника. Вертикальные бамбуковые стебли в плетении стен были бледно-желтыми, диагональные стебли крыши выглядели темно-желтыми или коричневыми; только это и нарушало монотонное однообразие дома. Утренний ветерок шелестел в камышах вокруг острова и пел в ребристых выпуклостях странного дома, словно играя на огромной свирели.

— Бог ты мой! — воскликнул Фламбо. — Наконец-то приехали! Вот он, настоящий Рид-Айленд, а вот и Рид-Хаус, если такой вообще есть на свете. Похоже, тот толстяк с бакенбардами был доброй феей!

— Возможно, — спокойно заметил отец Браун, — но если и был, то злой феей.

Он не успел договорить, как нетерпеливый Фламбо уже причалил к берегу среди шуршащих камышей, и вскоре они ступили на загадочный остров возле старого и безмолвного дома.

Как выяснилось, дом стоял задней стеной к реке и к единственному причалу; главный вход находился с другой стороны и смотрел в сад, имевший продолговатую форму. Друзья приблизились к нему по узкой тропе, огибавшей дом под низким карнизом крыши. Через три разных окна в трех стенах дома они могли видеть одну и ту же длинную, хорошо освещенную комнату, обшитую панелями из светлого дерева, с множеством зеркал и как будто подготовленную для элегантного завтрака. По обе стороны от парадной двери стояли две бирюзовые цветочные вазы. Им открыл дворецкий мрачного вида — высокий, сухопарый, седой и апатичный, — пробормотавший, что князь Сарадин нынче в отъезде, но его ждут

с часу на час и дом готов к приему хозяина и его гостей. При виде карточки с надписью зелеными чернилами пергаментное лицо унылого слуги на миг оживилось, и он с неловкой учтивостью предложил им остаться.

— Его сиятельство может прибыть в любую минуту, — сказал он. — Ему будет неприятно узнать, что он разминулся с господами, которых пригласил к себе. Мы всегда держим наготове холодный завтрак для него и его гостей; не сомневаюсь, что он пожелал бы, чтобы вы откушали у нас.

Движимый любопытством, Фламбо с благодарностью принял предложение и последовал за стариком, который церемонно препроводил его в большую комнату со светлыми панелями на стенах. В ней не было ничего особо примечательного, если не считать необычного чередования длинных узких окон с длинными узкими зеркалами, что придавало ей удивительно светлый и воздушный вид. Она навевала впечатление о завтраке под открытым небом. По углам висели неброские портреты: большая выцветшая фотография юноши в военном мундире и пастельный эскиз, на котором красной охрой были изображены два длинноволосых мальчика. Когда Фламбо осведомился, не князь ли этот бравый молодой

солдат, то получил отрицательный ответ. Это младший брат князя, капитан Стефан Сарадин, пояснил дворецкий. Тут он внезапно посуровел и как будто утратил всякое желание продолжать разговор.

После завтрака, завершившегося превосходным кофе с ликером, гости познакомились с садом, библиотекой и домоправительницей — красивой темноволосой женщиной, не лишенной своеобразного величия и похожей на Мадонну из подземного царства. Судя по всему, она и дворецкий были единственными, кто остался от прежней домашней челяди князя, а всех остальных слуг набрали из Норфолка под ее надзором. Ее представили как миссис Энтони, но она говорила с легким итальянским акцентом, и Фламбо не сомневался, что эта фамилия представляла собой местный вариант латинского произношения. В облике дворецкого, мистера Поля, тоже присутствовало нечто чужеземное, но он безукоризненно владел английским, как и многие отлично вышколенные слуги космополитических знатных семейств.

Несмотря на красоту и живописное уединение, в доме витала какая-то странная светлая печаль. Часы здесь тянулись медленно, словно дни.

Длинные комнаты с многочисленными окнами были залиты светом, но он казался мертвенным. И за всеми посторонними звуками — голосами, звоном бокалов или легкими шагами слуг — слышался несмолкаемый и навевающий грусть шум реки.

— Мы повернули не туда и попали в недоброе место, — сказал отец Браун, глядя из окна на серовато-зеленые заросли осоки и серебристое зеркало воды. — Ну что же, иногда хороший человек в недобром месте может совершить хорошее.

Хотя отец Браун часто бывал молчалив, он обладал удивительным даром сопереживания, и за эти несколько бесконечных часов он неосознанно проник в тайны Рид-Хауса гораздо глубже, чем его друг-профессионал. Он умел дружелюбно молчать, чем невольно привлекал желающих посплетничать, и почти без единого слова со своей стороны узнавал от своих новых знакомых все, что они вообще были готовы рассказать. Впрочем, дворецкий от природы был необщительным человеком. В нем чувствовалась угрюмая и почти собачья преданность хозяину, с которым, по его словам, очень дурно обошлись. Главным обидчиком, судя по всему, был брат его сиятельства; при одном звуке его имени старик презрительно

морщил свой крючковатый нос, а его худое лицо, казалось, вытягивалось еще больше. Капитан Стефан, очевидно, был бездельником, вытянувшим из своего великодушного брата сотни и тысячи фунтов, заставившим его отказаться от светского блеска и вести тихую жизнь в уединении. Больше дворецкий ничего не сказал, а если и хотел сказать, его останавливала истовая преданность хозяину.

Итальянка-домоправительница оказалась немного более общительной, и у Брауна сложилось впечатление, что она меньше довольна своим положением. О хозяине она говорила с легкой язвительностью, но и не без определенного благоговения. Фламбо и его друг стояли в зеркальной комнате, разглядывая эскизный рисунок с двумя мальчиками, когда домоправительница быстро вошла внутрь, словно торопясь по домашнему делу. Помещение, сверкающее стеклянными поверхностями, имело особое свойство: каждый входящий сюда отражался в четырех или пяти зеркалах одновременно, и отец Браун, даже не повернув головы, умолк на середине своего критического замечания. Однако Фламбо, наклонившийся к картине, громко произнес:

— Полагаю, это братья Сарадин. У обоих вполне невинный вид. Трудно сказать, где хороший брат, а где плохой.

Осознав, что находится в присутствии дамы, он перевел разговор на банальный обмен любезностями и вскоре вышел в сад. Но отец Браун продолжал внимательно разглядывать эскиз, между тем как миссис Энтони внимательно разглядывала отца Брауна. В ее больших карих глазах застыло трагическое выражение, а на оливковом лице отражалось недоверчивое любопытство, словно у человека, который интересуется новым знакомым, но сомневается в искренности его намерений. То ли облачение и вероисповедание маленького священника пробудили в ней воспоминания об исповеди, то ли ей показалось, будто он знает больше, чем на самом деле, но она обратилась к нему приглушенным голосом, словно к товарищу по заговору:

— В одном ваш друг прав: он говорит, что трудно отличить плохого брата от хорошего. О, как трудно сделать правильный выбор!

— Я вас не понимаю, — сказал отец Браун и отодвинулся от нее. Она подступила на шаг ближе, нахмурив брови и угрожающе наклонив голову, словно бык, опустивший рога.

— Хорошего просто нет, — прошипела она. — Капитан поступил достаточно дурно, когда брал все эти деньги, но вряд ли князь поступил лучше, когда давал их. Не у одного капитана есть кое-что против него.

Отвернутое в сторону лицо священника на мгновение озарилось, и его губы беззвучно произнесли слово «шантаж». В то же мгновение женщина резко оглянулась, побледнела и едва не упала. Дверь неслышно распахнулась, и в проеме, словно призрак, возник дворецкий. Из-за зеркальных отражений казалось, будто пятеро дворецких вошли из пяти дверей.

— Его сиятельство только что прибыл, — произнес он.

За первым окном, словно на ярко освещенной сцене, промелькнула фигура мужчины. Секунду спустя он прошел мимо второго окна, и в многочисленных зеркалах отразился один и тот же орлиный профиль и стройная осанка. Князь держался прямо и бодро, но его волосы блестели сединой, а лицо имело оттенок пожелтевшей от времени слоновой кости. У него был короткий римский нос с горбинкой, который обычно сочетается с высокими скулами и длинным подбородком, но эти черты были отчасти скрыты

усами и эспаньолкой. Гораздо более темный, чем у бороды, цвет усов создавал несколько театральное впечатление, лишь усиливавшееся из-за белого цилиндра, орхидеи в петлице, желтого жилета и пары желтых перчаток в руке, которыми он размахивал на ходу. Когда князь подошел к парадному входу, Поль чинно распахнул дверь, и все услышали жизнерадостный голос новоприбывшего: «Ну вот я и вернулся!» Дворецкий поклонился и что-то неразборчиво ответил; какое-то время их беседа оставалась неслышной. Потом Поль сказал «всегда к вашим услугам», и Сарадин вошел в комнату, весело помахивая желтыми перчатками. Перед ними снова предстало призрачное зрелище: пять князей вступили в гостиную через пять дверей.

Князь положил на стол белый цилиндр и желтые перчатки и сердечно протянул руку своему гостю.

— Рад видеть вас у себя, мистер Фламбо, — сказал он. — Мне хорошо известна ваша репутация, если такое замечание не покоробит вас.

— Нисколько, — со смехом ответил Фламбо. — Я не отличаюсь большой чувствительностью, и лишь очень немногие репутации приобретаются незапятнанной добродетельностью.

Князь бросил на Фламбо пронзительный взгляд. Убедившись, что в его ответе нет личного намека, он тоже рассмеялся и предложил всем сесть, включая и самого себя.

— Довольно приятный уголок, — рассеянно произнес он. — Увы, тут почти нечем заняться, но рыбалка очень хороша.

Священника, который смотрел на князя с младенческой серьезностью, не покидало смутное чувство, не поддававшееся определению. Он смотрел на седые, тщательно завитые волосы, желтовато-белое лицо и стройную, даже фатоватую фигуру. Все это не было неестественным, но казалось немного нарочитым, словно у актера в ярком свете рампы. Безымянное беспокойство таилось глубже, в самих чертах его лица. Брауна мучило ощущение, что он уже где-то видел этого человека раньше. Князь был похож на старого знакомого, облачившегося в маскарадный костюм. Потом священник вспомнил про зеркала и решил списать свое предчувствие на психологический эффект умножения человеческих масок.

Князь Сарадин с большой ловкостью и тактом распределял внимание между своими гостями. Когда он узнал, что Фламбо находится в отпуске и любит порыбачить, то лично проводил его к

лучшему месту для рыбалки, а через двадцать минут вернулся на собственном челноке, чтобы присоединиться к отцу Брауну в библиотеке и завязать вежливую беседу о более философских, чем спортивных, пристрастиях священника. Казалось, он одинаково хорошо разбирался и в рыбалке, и в книгах, хотя и не в самых поучительных; он говорил на пяти или шести языках, хотя в основном на жаргонных диалектах. Ему, несомненно, доводилось жить в разных городах и общаться с разношерстной публикой, потому что в самых увлекательных его историях шла речь об игорных притонах и курильнях опиума, австралийских беглых каторжниках и итальянских разбойниках. Отец Браун знал, что некогда знаменитый князь Сарадин провел последние годы в почти постоянных странствиях, но не догадывался, что эти странствия заводили его в такие сомнительные места и были так насыщены событиями.

Несмотря на достоинство человека из высшего общества, князь Сарадин обнаруживал признаки беспокойства и даже суетливости, не ускользнувшие от чуткого взора священника. Его лицо было благообразным, но во взгляде поблескивало нечто необузданное; он делал мелкие

нервные жесты, как человек, пристрастившийся к спиртному или наркотикам. По собственному признанию, он не прилагал рук к управлению своим домашним хозяйством. Это бремя возлагалось на двух пожилых слуг, особенно дворецкого, который явно был опорой дома. Действительно, мистер Поль был не столько дворецким, сколько мажордомом или даже камергером. Он ел отдельно от других, но почти с такой же помпезностью, как его хозяин, остальные слуги трепетали перед ним, и он чинно, но с большим достоинством советовался с князем, словно был его поверенным, а не слугой. Смуглая домоправительница казалась тенью в сравнении с ним. Теперь она держалась незаметно, во всем слушалась дворецкого, и Браун больше не слышал ее напряженного шепота, ранее намекнувшего ему на то, что младший брат шантажировал старшего. Он не знал, правдива ли история об отсутствующем капитане, но в поведении Сарадина присутствовала некая скрытность и ненадежность, отчего услышанное не казалось вовсе невероятным.

Когда они вернулись в длинную комнату с окнами и зеркалами, желтый вечерний свет уже озарял прибрежные ивы, и далекое уханье выпи напоминало о барабанах маленького лесного

народца. Необычное ощущение присутствия в печальной и злой зачарованной стране снова окутало священника темным облаком.

— Поскорее бы Фламбо вернулся, — пробормотал он.

— Вы верите в судьбу? — внезапно спросил неугомонный князь Сарадин.

— Нет, — ответил его гость. — Я верю в Судный день.

Князь отвернулся от окна и как-то странно посмотрел на священника; его лицо находилось в тени на фоне заката.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Сейчас мы находимся по эту сторону занавеса, — ответил отец Браун. — Все, что здесь происходит, как будто не имеет никакого смысла, но оно имеет смысл где-то еще. Там настоящего преступника ждет возмездие, а здесь же оно часто обрушивается на невиновного человека.

Князь издал необъяснимый звук, похожий на птичий клекот; его глаза на затененном лице хищно светились. Внезапно в голове священника, словно бесшумный взрыв, вспыхнула новая догадка. Возможно, сочетание резкости и внешнего блеска в манерах Сарадина имеет другое объяснение? Был ли князь… находится ли он в

здравом уме? Сейчас он несколько раз повторил фразу «на невиновного человека… на невиновного человека», что выглядело более чем странно в светской беседе.

Тут отец Браун с опозданием заметил кое-что еще. В зеркале напротив он увидел, как дверь тихо распахнулась и на пороге предстал мистер Поль, на мертвенном лице которого застыло бесстрастное выражение.

— Я подумал, что будет лучше сразу же сообщить вам, — произнес он все тем же чопорно-уважительным тоном старого семейного адвоката. — К причалу подошла лодка с шестью гребцами, и на корме сидит джентльмен.

— Лодка! — повторил князь. — Джентльмен?

Он поднялся на ноги. Наступившую тишину нарушали лишь редкие птичьи крики в камышах, но прежде, чем кто-либо успел заговорить, за тремя освещенными окнами промелькнула новая фигура и новый профиль, подобно тому как это недавно сделал сам князь. Но, не считая орлиных черт лица, в их внешности было мало общего. Вместо нового белого цилиндра Сарадина незнакомец носил черную шляпу устаревшего или заграничного фасона. Его юное и очень суровое лицо с гладко выбритыми щеками и немного си-

неватым решительным подбородком отдаленно напоминало молодого Наполеона. Этому способствовала консервативность его внешнего облика, как будто он не давал себе труда задуматься об отступлении от моды своих предков. На нем был потертый синий фрак, красный жилет, похожий на военный, и белые панталоны из грубой ткани, распространенные в начале Викторианской эпохи, но странно неуместные в наши дни. На фоне этой старинной одежды его смуглое лицо казалось невероятно молодым и чрезвычайно серьезным.

— Черт побери! — воскликнул князь Сарадин. Он надел свой белый цилиндр, направился к парадной двери и распахнул ее в сад, освещенный лучами заходящего солнца. Тем временем новоприбывший и его спутники собрались на лужайке, словно маленькая опереточная армия. Шестеро гребцов вытянули лодку далеко на берег и выстроились вокруг, с почти угрожающим видом держа поднятые весла, словно копья. Все они были загорелыми, а некоторые носили серьги в ушах. Один из них, с черным футляром необычной формы в руках, встал рядом со смуглым юношей в красном жилете.

— Вас зовут Сарадин? — осведомился юноша.

Сарадин небрежно кивнул.

Глубокие карие глаза молодого человека, похожие на песьи, разительно отличались от бегающих и блестящих глаз князя. Отца Брауна снова охватило болезненное ощущение, что он где-то видел копию этого лица, и он снова вспомнил об отражениях в зеркальной комнате и своих мыслях о случайном совпадении.

— Будь проклят этот хрустальный дворец! — пробормотал он. — Все в нем повторяется слишком часто, словно во сне!

— Если вы князь Сарадин, могу сообщить вам, что мое имя Антонелли, — сказал молодой человек.

— Антонелли, — скучным голосом повторил князь. — Это имя мне чем-то знакомо.

— Позвольте представиться, — сказал молодой итальянец.

Левой рукой он учтиво снял свою старомодную шляпу, а правой так сильно ударил Сарадина по лицу, что белый цилиндр покатился по ступеням, а одна из синих ваз закачалась на подставке.

Кем бы он ни был, князь явно не был трусом: он вцепился в горло противнику и едва не повалил его спиной на траву. Но юноша высвободился из его хватки с удивительно неуместным выраже-

нием сдержанной вежливости на лице.

— Все нормально, — сказал он, тяжело дыша и сбивчиво выговаривая английские слова. — Я нанес оскорбление. Я дам вам удовлетворение. Марко, открой футляр!

Стоявший поблизости человек с серьгой в ухе открыл большой черный футляр и достал оттуда две длинные итальянские рапиры с превосходными стальными гардами и клинками, которые он вонзил в землю. Незнакомец со смуглым мстительным лицом, стоявший напротив двери, две рапиры, напоминавшие два кладбищенских креста, и ряд гребцов на заднем плане — все это создавало впечатление какого-то варварского судилища. Но вторжение было таким стремительным, что вокруг ничего не изменилось. Золотой закат по-прежнему озарял лужайку, и выпь по-прежнему ухала в отдалении, словно предрекая кому-то горькую участь.

— Князь Сарадин, — сказал юноша, назвавший себя Антонелли, — когда я находился в младенчестве, вы убили моего отца и похитили мою мать. Отцу повезло больше. Вы не убили его в честном поединке, как я собираюсь убить вас. Вы с моей грешной матерью завезли его в пустынное ущелье на Сицилии, столкнули с утеса, потом

пошли своей дорогой. Если бы я захотел, то смог бы последовать вашему примеру, но это было бы слишком подло. Я разыскивал вас по всему свету, и вы каждый раз ускользали от меня. Теперь мы на краю света, и вам конец. Вы в моих руках, но я дам вам шанс, которого вы лишили моего отца. Выбирайте оружие!

Князь Сарадин нахмурился и, казалось, заколебался, но у него в ушах еще звенело от пощечины; он бросился вперед и схватил рукоять одной из шпаг. Отец Браун тоже бросился вперед в надежде уладить ссору, но вскоре обнаружил, что его присутствие лишь ухудшает положение. Сарадин был французским масоном и ярым атеистом, вмешательство священника лишь раззадорило его. Что касается другого участника схватки, его не интересовали ни священники, ни миряне. Этот юноша с карими глазами и чертами Бонапарта был суровее любого пуританина, ведь он был язычником. Он пришел как простой мститель с начала времен, как человек из каменного века, высеченный из камня.

Оставалась надежда только на слуг, и отец Браун бросился обратно в дом. Здесь он обнаружил, что все младшие слуги отправились на берег по распоряжению властного мистера Поля, и только

сумрачная миссис Энтони беспокойно бродила по длинным комнатам. В тот момент, когда она повернула свое призрачное лицо к нему, священник решил одну из загадок зеркального дома. Глубокие карие глаза Антонелли были глазами миссис Энтони, и половина этой темной истории мгновенно пронеслась перед его мысленным взором.

— Ваш сын снаружи, — сказал он без лишних слов. — Либо он, либо князь скоро погибнет. Где мистер Поль?

— Он у причала, — прошептала женщина. — Он… он… зовет на помощь.

— Миссис Энтони, — серьезным тоном произнес отец Браун, — у нас нет времени на пустяки. Мой друг уплыл порыбачить на лодке вниз по реке. Лодку вашего сына охраняют его гребцы. Остается один челнок; зачем он понадобился мистеру Полю?

— Санта-Мария, откуда мне знать? — выговорила она и растянулась во весь рост на покрытом циновками полу. Отец Браун уложил ее на диван, плеснул ей в лицо воды, позвал на помощь и со всех ног бросился к причалу. Но челнок был уже на середине реки, и старый Поль гнал его вверх по течению с энергией, казавшейся невероятной

для его возраста.

— Я спасу своего господина! — выкрикнул он с безумным блеском в глазах. — Я еще спасу его!

Отцу Брауну не оставалось ничего иного, как смотреть вслед челноку, рывками продвигавшемуся вперед, и надеяться, что дворецкий успеет поднять жителей городка и вернуться вовремя.

— Дуэль — сама по себе плохая вещь, — бормотал он, ероша свои жесткие волосы песочного цвета, — но что-то не так в этой дуэли, даже не из-за драки. Сердцем чувствую, но что бы это могло быть?

Стоя у воды над дрожащим зеркалом заката, он услышал с другого конца сада тихий, но безошибочно узнаваемый холодный лязг стали, столкнувшейся со сталью. Он повернул голову.

Дуэлянты скрестили шпаги на дальнем мысу длинного островка, на полоске травы за последним рядом роз. Вечернее солнце наполняло купол неба над ними чистым золотом, и, несмотря на расстояние, можно было отчетливо видеть все детали. Они сбросили фраки, но желтый жилет и седые волосы Сарадина и красный жилет и белые панталоны Антонелли в ровном свете заката были похожи на яркие цвета танцующих заводных кукол. Их шпаги сверкали от эфеса до

самого острия, словно две бриллиантовые булавки. В этих двух фигурках, казавшихся такими маленькими и веселыми, было что-то пугающее. Они напоминали двух бабочек, пытающихся пришпилить друг друга к пробковой подложке для экспонатов.

Отец Браун побежал так быстро, как только мог. Его короткие ноги замелькали, словно спицы в колесе. Но когда он приблизился к месту боя, то увидел, что явился слишком поздно и в то же время слишком рано: слишком поздно, чтобы остановить поединок, осененный тенями мрачных сицилийцев, опиравшихся на лодочные весла, и слишком рано для того, чтобы стать свидетелем трагической развязки. Оба были великолепными фехтовальщиками, но если князь дрался с циничной самоуверенностью, то сицилиец — с убийственной предусмотрительностью. Лишь немногие заполненные до отказа амфитеатры становились сценой более напряженных поединков, чем тот, который звенел и сверкал на затерянном островке среди поросшей камышами реки. Ошеломительная схватка равных соперников продолжалась так долго, что в душе священника затеплилась надежда. Судя по всему, Поль скоро должен был вернуться с

полицией. Для отца Брауна было бы утешением и возвращение Фламбо, потому что в физическом отношении Фламбо стоил четырех других мужчин. Но тот не появлялся, и, что выглядело гораздо более странно, не было никаких признаков возвращения дворецкого и полицейских. Не осталось плота или даже бревна, на котором можно было бы уплыть; на этом уединенном островке посреди безымянной заводи они были отрезаны от остального мира так же верно, как на какой-нибудь скале в Тихом океане.

Между тем звон рапир ускорился до непрерывного перестука; князь вскинул руки, и внезапно между его лопатками показалось тонкое острие рапиры. Он отшатнулся, и его резко повело в сторону, словно человека, собирающегося пройтись колесом. Шпага вылетела из его руки, словно падающая звезда, и нырнула в реку, а сам он рухнул с такой сокрушительной силой, что сломал большой розовый куст и взметнул в небо облачко красноватой пыли, похожее на дым от языческого воскурения. Сицилиец принес кровавую жертву призраку своего отца.

Священник тут же опустился на колени возле тела, но не оставалось сомнений, что он видит труп. Когда он попытался применить некоторые

отчаянные меры, впрочем, уже без надежды на успех, то впервые услышал голоса выше по реке и увидел, как к причалу подошел полицейский катер с констеблями и другими важными персонами, включая взволнованного Поля. Маленький священник выпрямился, и на его лице отразилось глубокое сомнение.

— Почему же, — пробормотал он, — почему он не вернулся раньше?

Примерно семь минут спустя островок подвергся настоящему нашествию полиции и горожан. Полицейские немедля взяли под стражу победившего дуэлянта и формально напомнили ему, что все, что он скажет, может быть использовано против него.

— Я ничего не скажу, — ответил мститель с мирным выражением на сияющем лице. — Я больше никогда ничего не скажу. Я очень счастлив и только хочу, чтобы меня повесили.

Он замолчал, и его увели. Как ни странно, он действительно больше не произнес ни слова в этой жизни, только сказал «виновен» на суде.

Отец Браун смотрел на внезапно заполнившийся людьми сад, на арест мстителя и вынос трупа после врачебного осмотра, словно наблюдал за развязкой страшного сна; он был скован

неподвижностью, как в кошмаре. Он назвал свое имя и адрес в качестве свидетеля, но отклонил предложение вернуться в город и остался один в островном саду, глядя на сломанный розовый куст и всю зеленую сцену этой стремительной и необъяснимой трагедии. Над рекой догорал закат, от заболоченных берегов понимался туман, и редкие запоздалые птицы поспешно перелетали на другой берег.

В подсознании священника (надо сказать, необыкновенно активном) упорно засела неописуемая уверенность, что в этой истории кое-что осталось недосказанным. Странное ощущение, не покидавшее его весь день, нельзя было полностью объяснить его фантазией о «зазеркалье». То, что он видел, почему-то не было реальностью, но скорее напоминало игру или маскарад. Однако людей не вешают и не пронзают шпагой ради того, чтобы загадать загадку.

Пока отец Браун сидел на ступенях причала, затерявшись в раздумьях, перед ним вырос высокий темный силуэт паруса, бесшумно приближавшийся по сияющей реке. Священник вскочил на ноги, охваченный таким бурным приливом чувств, что он едва не расплакался.

— Фламбо! — воскликнул он, как только его

друг сошел на берег со своей рыболовной снастью, и, к изумлению последнего, несколько раз встряхнул его за плечи. — Фламбо! — повторил он. — Значит, вас не убили?

— Убили? — с нескрываемым удивлением отозвался Фламбо. — Почему меня должны были убить?

— Ох, хотя бы потому, что убили почти всех остальных, — довольно бессвязно пояснил Браун. — Сарадин погиб, Антонелли хочет, чтобы его повесили, его мать лежит в обмороке, а сам я не пойму, на том ли свете нахожусь или на этом. Но слава богу, вы на одном свете со мной!

С этими словами он пожал руку ошеломленному Фламбо. От причала они свернули под низкий навес крыши бамбукового дома и заглянули в одно из окон, как сделали это сразу же после своего прибытия. Их взору представилась освещенная лампами сцена, словно рассчитанная на то, чтобы приковать внимание. Стол в длинной комнате был накрыт к обеду, когда убийца Сарадина нагрянул на остров, как гром среди ясного неба. Но сейчас обед мирно шел своим чередом, потому что в конце стола расположилась довольно угрюмая миссис Энтони, а напротив, во главе стола, восседал мистер Поль, мажордом покойного

князя. Он ел и пил в свое удовольствие. Его водянистые голубые глаза смотрели куда-то вдаль, на вытянутом лице застыло непроницаемое, но явно удовлетворенное выражение.

Поддавшись внезапному порыву, Фламбо мощно забарабанил по стеклу, потом распахнул окно и с возмущением заглянул в ярко освещенную комнату.

— Интересно! — воскликнул он. — Могу понять, что вам захотелось подкрепиться, но красть обед своего господина, когда он лежит мертвый в саду, — это, знаете ли…

— За свою долгую и приятную жизнь я украл много вещей, — миролюбиво ответил старик, — но этот обед принадлежит к числу немногих исключений. Видите ли, этот обед, как и этот дом вместе с садом, принадлежит мне.

На лице Фламбо отразилась напряженная работа мысли.

— Вы хотите сказать, что по завещанию князя Сарадина… — начал он.

— Князь Сарадин — это я, — сообщил старик, жевавший соленую миндалину.

Отец Браун, наблюдавший за птицами в саду, вздрогнул, словно подстреленный, и сунул в окно бледное лицо, похожее на репу.

— Кто вы такой? — пронзительно спросил он.

— Князь Поль Сарадин, к вашим услугам, — вежливо отозвался почтенный джентльмен и поднял стаканчик хереса. — Я живу здесь очень тихо, будучи по натуре домашним человеком, и из скромности назвался Полем, дабы отличить себя от моего злосчастного брата Стефана. Я слышал, он недавно умер… там, в саду. Разумеется, не моя вина, если враги выследили его и настигли здесь. Это произошло из-за его прискорбной несдержанности в личной жизни. Он определенно не был домоседом.

Он погрузился в молчание, уставившись в противоположную стену прямо над угрюмо склоненной головой женщины. Друзья ясно увидели семейное сходство, призрак которого преследовал их в умершем человеке. Внезапно плечи старика вздрогнули и мелко затряслись, как будто он чем-то подавился, но выражение его лица осталось неизменным.

— Боже мой! — воскликнул Фламбо. — Да ведь он смеется!

— Пошли отсюда, — сказал побледневший отец Браун. — Уйдем из этого дьявольского дома и вернемся в нашу честную шлюпку.

Тьма уже опустилась на реку и камыши, когда

они отчалили от острова и поплыли во мраке вниз по течению, согреваясь двумя большими сигарами, сиявшими как багровые корабельные фонари. Отец Браун вынул сигару изо рта и сказал:

— Полагаю, вы уже обо всем догадались? В конце концов, это достаточно простая история. У него было два врага. Он был умным человеком и решил, что два врага лучше, чем один.

— Не вполне понимаю, — ответил Фламбо.

— О, это очень просто, — продолжил его друг. — Просто, хотя невинностью здесь и не пахнет. Оба Сарадина были негодяями, но князь, старший, был из тех негодяев, что добираются до самого верха, а капитан, младший, — из тех, что идут ко дну. Бесчестный офицер опустился от попрошайничества до шантажа, и в один не слишком прекрасный день князь оказался у него в руках. Очевидно, дело было серьезное, потому что князь Поль Сарадин и так вел беспутную жизнь и его репутация больше не могла пострадать от обычных прегрешений светского общества. Проще говоря, это было «мокрое» дело, и Стивен в буквальном смысле держал петлю у него на шее. Он каким-то образом узнал правду о происшествии на Сицилии и мог доказать, что Поль убил Ан-

тонелли-старшего в горах. Капитан десять лет бессовестно обирал своего брата, пока от княжеского состояния не остался лишь красивый фасад.

Но у князя Сарадина было и другое бремя, кроме его брата-кровососа. Он знал, что сын Антонелли, который во время убийства находился в младенчестве, был воспитан в жестоких традициях сицилийской круговой поруки и жил лишь ради того, чтобы отомстить за отца, — но не виселицей (потому что у него, в отличие от Стефана, не было твердых улик), а старинным оружием вендетты. Юноша довел свои навыки до смертоносного совершенства, но к тому времени, когда он вырос и смог применить их на деле, у князя Сарадина, как писали в разделах светской хроники, проснулась страсть к путешествиям. На самом деле он спасал свою жизнь и метался с места на место, как сбежавший преступник, но неутомимый преследователь каждый раз находил его след. Поль Сарадин попал в самое незавидное положение. Чем больше денег он тратил, скрываясь от Антонелли, тем меньше у него оставалось на то, чтобы заткнуть рот Стефану. Чем больше он отдавал Стефану за молчание, тем меньше шансов у него оставалось ускользнуть от Антонелли. И тогда он

показал себя великим человеком, даже гением, сродни Наполеону.

Вместо того чтобы вести борьбу с двумя противниками, он внезапно сдался обоим. Он отступил, словно японский борец, враги пали ниц перед ним. Он перестал бегать по всему свету, дал свой адрес молодому Антонелли, а потом отдал все остальное своему брату. Он выслал Стефану достаточно денег, чтобы обзавестись приличным гардеробом и не испытывать нужды в пути, и отправил брату письмо примерно следующего содержания: «Это все, что у меня осталось. Ты обчистил меня до конца. У меня еще есть маленький дом в Норфолке, со слугами и винным погребом; если хочешь, можешь забрать и это. Приезжай и вступай во владение, а я буду скромно жить при тебе как друг, поверенный в делах или кто угодно». Он знал, что сицилиец никогда не видел братьев Сарадин, разве что на фотографиях; он знал о семейном сходстве с братом и о том, что оба носят седые эспаньолки. Потом он сбрил бороду и стал ждать. Ловушка сработала: злосчастный капитан в новом наряде торжественно вступил в дом под видом князя Сарадина и напоролся на клинок сицилийца.

Безупречному исполнению плана помешало

лишь одно обстоятельство, и оно делает честь человеческой природе. Падшие души, подобные Сарадину, часто совершают ошибки, начисто забывая о человеческих добродетелях. Он не сомневался, что удар, нанесенный итальянцем, будет внезапным, безжалостным и безымянным, подобно его собственному преступлению. Жертву зарежут ночью или пристрелят из-за ограды, поэтому она умрет бессловесно. Для князя наступил тяжелый момент, когда рыцарственный Антонелли предложит дуэль по всем правилам, что могло привести к разоблачению. Именно тогда я увидел, как он отчаливает от берега с безумным блеском в глазах. Он бежал, даже не надев головной убор, на гребной лодке, пока Антонелли не успел узнать, кто он такой.

Но, несмотря на приступ паники, он понимал, что положение не безнадежно. Он знал побуждения авантюриста и фанатика. Было вполне возможно, что авантюрист Стефан будет держать язык за зубами хотя бы из тщеславного удовольствия актера, который может сыграть важную роль, но также из желания сохранить свой новый уютный дом, мошеннической веры в удачу и в свое мастерство фехтовальщика. Было совершенно ясно, что фанатик Антонелли будет молчать

и пойдет на виселицу, не сказав ни слова о своей семье. Поль оставался на реке, пока не понял, что схватка закончилась. Тогда он поднял тревогу в городке, привел полицейских, насладился видом двух поверженных врагов, навеки исчезнувших из его жизни, и с улыбкой сел за обеденный стол.

— Господи спаси, да он смеялся! — воскликнул Фламбо, передернув плечами. — От кого такие негодяи получают свои идеи — от дьявола?

— Эту идею он получил от вас, — ответил священник.

— Боже сохрани! — вскричал Фламбо. — От меня? Что вы имеете в виду?

Священник достал из кармана визитную карточку и поднес ее к слабому огоньку своей сигары; она была исписана зелеными чернилами.

— Разве вы забыли его оригинальное приглашение? — спросил он. — И похвалу вашему преступному подвигу? «Ваша проделка, когда вы заставили одного сыщика арестовать другого, была одной из самых блестящих сцен во французской истории», — пишет он. Он всего лишь скопировал вашу уловку. Оказавшись между двумя противниками, он быстро отступил в сторону и позволил им столкнуться лбами и прикончить друг друга.

Фламбо вырвал визитную карточку Сарадина из рук священника и с яростью изорвал на мелкие кусочки.

— Туда ему и дорога, старому мерзавцу, — сказал он, разбросав клочки по темным волнам реки, исчезающим вдали. — Но как бы рыбы не сдохли от такой приманки.

Последний клочок белой бумаги и зеленых чернил растворился во мраке. Слабый, дрожащий отсвет, похожий на утренний, окрасил небо, и луна за высокими травами стала чуть бледнее. Они плыли в молчании.

— Отец, — внезапно сказал Фламбо, — как вы думаете, это был сон?

Священник покачал головой в знак несогласия или сомнения, но промолчал. Из темноты на них пахнуло ароматом боярышника и фруктовых садов. Поднимался ветер; в следующее мгновение он покачнул маленькую шлюпку, наполнил парус и понес их вперед по извивам реки к более счастливым местам и домам, где живут безобидные люди.